

Ромэн Жюль

Парижский эрос

Ромэн Жюль. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Кн. 2: Люди доброй воли: Детская любовь. Парижский эрос: Романы / Перевод с французского И. Мандельштама. -- М.: ТЕРРА, 1994.

OCR Бычков М. Н.

I

ПЛОЩАДЬ ПРАЗДНЕСТВ

Весь северо-восток Парижа, как мы видели, занят выступом обширного плоскогорья, склоны которого довольно круты с северной стороны, где их окаймляют канал и Германская дорога, а с южной стороны оседают постепенно по направлению к Сене и становятся отвесными только на западе.

На вершине этого плоскогорья, неподалеку от его северного края, расположена площадь Празднеств с рядами деревьев, газонами, беседкой для оркестра и старыми низкими домами вокруг.

На этой площади появляется Вазэм, бегавший по городу с восьми часов утра. И на этой же площади ходит взад и вперед Эдмонд Майкотэн, немного понурившись, руки заложив за спину и не спуская глаз с фасада одного кабачка.

А в восьми километрах оттуда, в западной части Парижа, Аверкамп направляется к Тернской станции метрополитена, чтобы поехать на свидание с Вазэмом, которое он назначил ему на полдень, в ресторане "Кошон д'Ор" на Германской улице, против Лавиллетского скотопригонного двора. У него в распоряжении достаточно времени. С делом в Тернах он управился скорее, чем предполагал. Он выйдет из метро на Германской станции и, если успеет, совершит пешком остальную часть пути.

* * *

Вазэм чувствует жажду. Точнее говоря, некоторую усталость. Ему хотелось бы на несколько минут забыть про свои служебные обязанности и спокойно разглядывать лица прохожих. Кроме того, он не прочь выпить стаканчик белого вина или даже хинной ради того возбуждения, какое ощущаешь от них в разгаре утренней деятельности. Все это вместе он называет "чувствовать жажду".

Вокруг него простирается площадь Празднеств. Она обширна, как ярмарочная площадь, и напоминает ее многими чертами, будучи окружена деревьями и низкими старыми домиками. В этих местах Вазэм не надеется найти элегантное кафе. Строго говоря, можно было бы провести некоторое время перед стойкой какого-нибудь трактира. Но главное -- не быть бы там одному. Вазэм не любит одиночества, когда "чувствует жажду". Правда, можно удовольствоваться обществом трактирщика, когда он умеет интересно разговаривать. Но это бывает редко. Вазэм заметил, что трактирщик обычно человек пузатый и молчаливый, и вид у него всегда такой, словно он жует резинку и глотает слюну, а когда он перестает двигать челюстями, то произносит с овернским акцентом что-нибудь очень дурацкое.

Из трех или четырех трактирных заведений, которые он видит, Вазэм останавливает свой выбор на том, что украшено гербом табачной монополии. Не с намерением купить папиросы: он все еще курильщик неважный, и по утрам его тошнит от табаку. Но в кафе-табачной к обычным развлечениям бара присоединяется непрерывная смена посетителей.

Заведение, куда он входит, довольно уютно. В ширину оно гораздо больше, чем в глубину. Хорошо освещено глядящими на площадь окнами. Во всю ширину лавки тянется буфетная стойка, в левой части занятая табачными изделиями. В данный миг внимание хозяина раздваивается между обоими ее концами. Он отпускает пачку папирос за два су или отвешивает двадцать граммов трубочного табаку, не переставая в то же время поддерживать разговор с двумя возчиками, которые стоят у правого края стойки, оставив свою подводку перед дверями; реплики его таковы: "Ишь ты!", "Вы подумайте!", "Не то чтобы что, но все-таки иные ребята через край хватают".

Говор у хозяина и впрямь овернский (или вроде того: у Вазэма об особенностях провинций понятия смутные); но он не пузат и совсем не кажется осовелым.